

[18]. Особое мнение по поводу того, что сам Шестов (и некоторые его друзья) сближал свои построения с экзистенциальной философией, выразил о. Василий Зеньковский – автор двухтомного труда по истории русской философии: «...По поводу этого весьма сомнительного “комплимента” Шестову надо сказать, что, за вычетом нескольких мотивов, творчество Шестова уходит совсем в сторону от “экзистенциализма” (в обеих его формах – атеистического и религиозного). По существу же Шестов является религиозным мыслителем, он *вовсе не антропоцентричен, а теоцентричен...*» [19].

Приведя такие противоречащие друг другу оценки и определения, возможно ли, и следует ли подводить итог? Если следует, то перед нами – попытка положить непостижимое в основание постижений, суждений, отношений, – в основание изначальной ориентации человека в мире.

Примечания

1. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления. Л., 1991. С. 52.
2. Шестов Л. Начала и концы. СПб., 1908. С. 12.
3. Шестов Л. Афины и Иерусалим // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 656.
4. Там же. С. 656.
5. Шестов Л. Potestas clavium (Власть ключей) // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 303.
6. Шестов Л. Начала и концы. С. 128.
7. Шестов Л. Potestas clavium (Власть ключей). С. 7.
8. Там же. С. 30.
9. Там же. С. 107.
10. Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М., 1992. С. 44.
11. Aadaequatio rei et intellectus – соответствие вещи и интеллекта.
12. Шестов Л. Дерзновения и покорности // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 247.
13. Шестов Л. Откровения смерти // Шестов Л. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 50.
14. Шестов Л. Дерзновения и покорности. С. 208.
15. Там же. С. 212.
16. Там же. С. 213.
17. Там же. С. 213.
18. Камю А. Миф о Сизифе // Камю А. Творчество и свобода. Статьи, эссе, записные книжки. М., 1990. С. 52.
19. Зеньковский В. В. История русской философии // Зеньковский В. В. Соч.: в 2 т. Т. 2. Ч. 2. Л., 1991. С. 82.

УДК 316.4.06

И. А. Газиева

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

В статье на основе анализа социологических концепций разрабатывается структура социальной деятельности, каждый элемент которой должен обеспечивать совпадение цели и результата этой деятельности, что в итоге определяет ее социальную эффективность. Также в статье формулируется само понятие социальной эффективности деятельности.

The structure of social activity has been worked out in the article by analyzing main sociological concepts. Every element of the social activity is to provide coincidence of its purposes and results and this, in the end, determines social efficiency of the activity. More over, the conception of the social activity efficiency has been formed in the article.

Ключевые слова: социальная деятельность, социальное действие, эффект, социальная эффективность.

Keywords: social activity, social action, effect, social efficiency.

Сегодня понятие деятельности во многих общественных науках: и в психологии, и в философии, и в социологии – употребляется неоднозначно и рассматривается в разных проекциях. В психологии теория деятельности понимается как система методологических и теоретических принципов изучения психических феноменов. В философии деятельность изучается как философская методологическая категория с максимальным логическим объемом понятия, что позволяет употреблять категорию деятельности как предикат в онтологических суждениях отнесения частного – к общему, конкретного – к абстрактному, вида – к роду. Однако сколько бы правомерными и продуктивными ни были исследования деятельности в указанных направлениях, каждое из них отражает лишь определенный срез человеческой деятельности, не уделяя должного внимания тому, как сопрягается, и сопрягается ли вообще, данная плоскость рассмотрения проблемы со всеми другими.

Несмотря на то что понятие «деятельность» вошло в науку достаточно давно и употребляется для обозначения самых разнообразных взаимодействий с точки зрения их активности, его содержание в социологии воспринималось главным образом интуитивно и долгое время не могло претендовать на значение социологической категории. Но сегодня деятельность становится

предметом изучения многих социальных наук, где исследования ведутся как в теоретическом, так и в практическом аспектах. На основе синтеза различных деятельностных теорий учеными был разработан ряд формализованных моделей и структур деятельности.

Самая распространенная структура акта деятельности в развернутом виде включает следующие элементы: субъект, предмет (объект), цель, средство, действие, результат [1].

Субъектом деятельности можно назвать индивида, а также такую группу людей или общество в целом, которые объединены общностью цели, формирующей однонаправленность действий по достижению приемлемого для всех результата. Предметом (объектом) деятельности является, соответственно, то, на что направлена деятельность субъекта. Следует заметить, что объект и предмет деятельности далеко не всегда совпадают. И, прежде всего, потому, что объект не только многопредметен, но даже неисчерпаем. Поэтому в дальнейшем мы будем различать объект и предмет деятельности, понимая под объектом индивида или группу индивидов, на которых направлена деятельность субъекта, а под предметом – совокупность социальных качеств либо явлений, через субъектное деятельностное регулирование которых осуществляется изменение объекта деятельности субъектом деятельности.

При рассмотрении предложенной системы как структуры акта деятельности правомерным представляется и включение сюда такого элемента, как действие, т. е. акт деятельности осуществляется через действие. И с этой точки зрения представляется неточным понимание самого действия у некоторых авторов: «действие – кульминация преобразования предмета в соответствии с намеченной целью. Это наиболее напряженный момент, требующий средоточия интеллектуальных и физических сил человека, такое взаимодействие субъективного и объективного компонентов деятельности, которое детерминирует (причиняет) результат деятельности» [2]. На наш взгляд, действие – это акт, посредством которого решается всего лишь та или иная частная задача. Достижение конечной цели предполагает решение системы или совокупности подобного рода задач. В таком контексте социальная деятельность есть система социальных действий, направленных на достижение цели через реализацию соответствующих функциональных задач. Таким образом, социальное действие является необходимым и фундаментальным элементом социальной деятельности.

Практически все теории социального действия предполагают не столько объяснение действия, сколько овладение, управление действием.

Для нас же важно то, что в понятии социального действия отражается следующее:

- структура социальной реальности создается социальными действиями (М. Вебер). Следовательно, структура управляемой социальной реальности также во многом создается управляющими социальными действиями;

- понимание людьми друг друга возможно лишь на основе общих ценностей (Т. Парсонс). Следовательно, цели управляющих как ценности должны стать ценностями и целями управляемых;

- социальные действия могут рассматриваться как «приспособления», «желательное поведение» без угрозы каким-либо ценностям или возможностям партнера или, наоборот, они могут нести ему угрозу, являться дисфункцией в отношении целей партнера (Ф. Знанецкий). Отсюда управляющие должны это учитывать и адекватно действовать.

Таким образом, можно сказать, что понятие социального действия по своему содержанию шире понятия социальной деятельности, но сама социальная деятельность не только не существует как таковая, вне системы социальных действий, она задается и структурируется ими. Поэтому совершенствование социальной деятельности, повышение ее эффективности и ее оптимизация зависят от качества, смысла, направленности и эффективности осуществляемых социальных действий.

В силу своей новизны социальная эффективность деятельности требует серьезной терминологической проработки, что предполагает последовательный анализ всех входящих в нее понятий. И начать здесь необходимо с ключевого термина, несущего смыслоопределяющую нагрузку изучаемого понятия. В качестве такого, как нам представляется, следует принять термин «эффект».

Понятие «эффект» (от лат. effectus – исполнение, действие, и от efficio – действую, исполняю) в современной жизни охватывает весьма широкий спектр значений. Во-первых, под эффектом понимается результат, следствие каких-либо причин, действий (например, эффект лечения). Во-вторых, под эффектом понимается сильное впечатление, произведенное кем-либо, чем-либо, а также средство, прием, с помощью которых нужно произвести впечатление, удивить или создать иллюзию чего-либо (например, световые, шумовые эффекты в театре). В-третьих, эффект имеет значение физического явления, например фотоэффект [3].

Далее речь пойдет об эффективности (в смысле действенности) как производной от понятия «эффект» в первом значении, а не об эффектности («производящий впечатление», «привлека-

ющий внимание») – производной от понятия «эффект» во втором его значении.

Также надо отметить и то, что смысловая наполненность понятия «эффект» зависит от отрасли, применительно к которой оно употребляется. Чаще всего этот термин используется в экономике и в управлении. Так, в экономике «эффект» выражается в соотношении результатов деятельности хозяйствующего субъекта к произведенным для их получения затратам; причем эффект может быть как положительным (прибыль), так и отрицательным (убыток) [4]. Понимание управленческого «эффекта» несколько сопрягается с определением экономического эффекта в том, что он, эффект, сводится к измерению затрат ресурсов и полученных результатов, причем главным образом в экономических параметрах; в то же время основным отличием является то, что в управлении «эффект» в первую очередь понимается как идеология менеджмента (бизнеса) [5]. Вместе с тем физический смысл эффекта можно свести к тому, что чем больше преобладают результаты над затратами, тем выше считается эффект и лишь наличие разницы между затратами и результатами позволяет обозначить ее в качестве эффекта.

Немаловажным является определение и социального эффекта, который в разных источниках понимается как «формирование и удовлетворение духовных потребностей человека», «гармоничное развитие личности», «благо общества или отдельных групп населения», а также в таком широком понимании, как «степень удовлетворенности населения качеством жизни». В данной статье *социальный эффект* будет использоваться в смысле *соотношения степени доступности информации и возможности ее результативного использования*.

Серьезной проблемой изучения социальных и экономических эффектов является сложность в их четком разграничении: «экономические и социальные результаты (эффекты) прогресса внутренне однокачественны, взаимообусловлены. В этом смысле экономический результат всегда социально значим, а любые “чисто” социальные процессы проявляются через экономический эффект» [6]. Кроме того, «социальные отношения являются одновременно и экономическими, и политическими, и духовными... диалектика соотношения социальных процессов с экономическими, политическими и духовными не может быть выражена ни как отношение общего и отдельного, ни на основе признания социального рядоположенным с экономическим, политическим, духовным...», решение этого вопроса «должно базироваться на понимании диалектической связи между социальными отношениями в целом, социальной политикой и политикой вообще... Со-

циальные отношения являются аспектом, стороной и притом важнейшей, всей системы общественных отношений» [7]. На основе сказанного можно говорить о том, что при анализе социальной эффективности необходимо отдавать себе отчет в относительности и определенной некорректности выделения «чисто» социальных эффектов.

Таким образом, можно прийти к определению *«эффекта» как достигаемого результата в его материальном, денежном либо социальном выражении*. Вместе с тем нельзя полностью отождествлять результат и эффект. В первом случае мы имеем дело с достигнутой, материализованной целью, во втором – с определенном роде последствиями деятельности. Кроме того, результат (при условии изначально четко поставленных целей) всегда измеряем, в то время как эффект как таковой измерить практически невозможно. Именно поэтому и возникают трудности при попытке оценки социального результата: «Основная методологическая трудность количественной оценки социальных результатов заключается в том, что они, в отличие от экономических результатов, зачастую не поддаются оценке по какому-то единому критерию, позволяющему сравнивать между собой качественно различные варианты при соизмерении результатов с затратами» [8]. В качестве возможных путей решения этой задачи может быть использован нормативный метод: «максимизация эффекта при фиксированных затратах, минимизация затрат при заданных социальных целях, оценка экономии времени населением при пользовании сферой бытовых услуг, оценка экономического эффекта, сопутствующая достигнутому социальному результату и т. д.» [9]. Очевидно, что, говоря здесь о результатах деятельности, авторы подразумевают все же ее эффекты. Таким образом, при изучении и оценке деятельности в социальной сфере предпочтительнее говорить не о ее результатах, а о ее эффектах и, соответственно, не о ее результативности, а о социальной эффективности.

Возвращаясь к изучению непосредственно социального эффекта, нужно говорить в первую очередь о том, что его не всегда можно установить достаточно точно, во многих случаях он прогнозируется как тенденция к изменению, которая зачастую не поддается точному измерению. Социальный эффект проявляется не сразу и не так заметно на первых порах, нет методики прогнозирования социального эффекта [10]. Одно только то, что одних и тех же социальных эффектов при равных начальных условиях можно добиться за различные периоды времени, будет говорить о различной социальной эффективности мероприятий, направленных на достижение

этих эффектов. Именно поэтому утверждение, что «можно говорить о социальной эффективности в целом как о социальном результате, возникающем под воздействием прогрессивного развития общества» [11], представляется не совсем корректным, что еще раз подтверждает наш тезис о терминологических различиях: эффект – результат, эффективность – результативность.

Дело в том, что само понятие «эффективность деятельности» зачастую ошибочно считают обозначением любой деятельности как производительной, продуктивной, результативной; эффективность определяется рациональностью деятельности, тем, насколько ее результат совпадает с желаемой целью и объемом затрат (финансовых, временных и т. д.), т. е. эффектом.

Думается, что такое смещение терминов во многом объясняется изначально «экономической природой» понятия эффективности, так как исторически первой сферой использования и разработки данного понятия была именно экономика, где эффективность понимается как «результативность производства, соотношение между результатами и затратами хозяйственной деятельности» [12], «относительный эффект, результативность процесса, операции, проекта, определяемые как отношение эффекта, результата к затратам, расходам, обусловившим, обеспечившим его получение» [13]. Важнейшими показателями экономической эффективности являются в узком смысле – производительность труда; в широком (в масштабах общества) – доля национального дохода в валовом внутреннем продукте и валовом национальном продукте. Соответственно, экономическая эффективность как конечный результат хозяйственной деятельности может характеризоваться стоимостными или натуральными показателями.

Задача определения экономической эффективности – одна из древнейших. Однако очевидно, что понятие «эффективность» здесь в значительной степени совпадает с понятием экономичности, с достижением высоких результатов при наименьших затратах.

В частности, итальянский экономист и социолог Вильфредо Парето в рамках своей экономической концепции сформулировал понятие Парето-эффективности. Так, состояние экономики называется Парето-эффективным, если невозможно изменить производство и распределение таким образом, чтобы благосостояние одного или нескольких субъектов увеличилось без уменьшения благосостояния других. В свою очередь, состояние экономики называется Парето-эффективным *в распределении благ между потребителями*, если невозможно перераспределить блага таким образом, чтобы благосостояние хотя бы одного из потребителей увеличилось без умень-

шения благосостояния других. Состояние экономики называют Парето-эффективным *в производстве*, если невозможно увеличить производство одного или нескольких продуктов, не сокращая производства других. Наконец, *структура выпуска благ* является Парето-эффективной, если невозможно увеличить благосостояние хотя бы одного индивида, не уменьшая благосостояния других, путем изменения структуры (комбинации) выпускаемых благ.

Для более детального изучения Парето-эффективности ее целесообразно расчленить на ряд составляющих, или, иначе говоря, установить необходимые условия (признаки) Парето-эффективного состояния экономики: эффективность в распределении благ между потребителями (эффективность в обмене), эффективность в производстве и эффективность в структуре выпуска продукции [14]. Самое важное, что все эти признаки наличествуют в условиях совершенной конкуренции, причем не только для двух потребителей или двух предприятий, но и для сколь угодно большого их числа.

Таким образом, можно говорить, что, во-первых, Парето защищает режим частной собственности и конкуренции, приводя в качестве довода его эффективность. Конкуренция в определенной степени является формой отбора. Парето проводит аналогию борьбы за выживание животного мира с социальным дарвинизмом экономической конкуренции и социальной борьбы. Экономическая конкуренция, которую марксисты называют капиталистической анархией, – это в действительности одна из форм естественного отбора, относительно благоприятная для экономического прогресса [15]. Также здесь необходимо отметить, что эффективность теряет смысл без конкуренции. А во-вторых, Парето предложил свой способ оценивать общую эффективность: если улучшение положения одного не приводит к ухудшению другого, то в целом процесс эффективен.

К сожалению, определение Парето-эффективности не нашло отражения в социологических концепциях ученого. Но нельзя не отметить того, что Парето все же коснулся социальной эффективности в рамках концепции идеологии и психологического редукционизма.

Парето считал, что достойны внимания социолога лишь те чувства, которые проявляются в определенном роде действиях, что дает возможность строго их классифицировать. Они неизменны, постоянны и потому являются теми элементами социальной системы, которые «детерминируют социальное равновесие». Парето назвал их «остатками» («осадками»), желая подчеркнуть их устойчивость, способность «оставаться» после того, как из социального действия

вычтены все рациональные соображения [16]. Вторичный, производный от чувств характер носят «деривации», к которым ученый относил идеологические концепции, верования, теории и делил их на четыре класса [17].

Первый класс – это «простые уверения», формула которых: «это так, потому что так» или «надо, потому что надо».

Второй класс «производных» содержит в себе аргументы и рассуждения, опирающиеся на авторитет (личности, традиции, обычая), который делает их эффективными независимо от их логической ценности.

В третьем классе «производных» «доказательство» основано на апелляции к каким-нибудь чувствам, индивидуальным или коллективным интересам, юридическим принципам (Право, Справедливость), метафизическим сущностям (Солидарность, Прогресс, Демократия, Гуманность) или воле сверхъестественных существ.

Четвертый класс «производных» черпает силу убеждения в «вербальных доказательствах», т. е. таких, которые основаны на «использовании терминов с неопределенным, сомнительным, двойственным смыслом и не согласуются с реальностью» [18].

Анализируя предложенные классы «дериваций», можно говорить о том, что в трактовке Парето они выполняют две противоположные функции по отношению к определенным «осадкам» и соответствующим им «чувствам»: во-первых, они обнаруживают и выражают эти «осадки» и «чувства», во-вторых, они их скрывают, камуфлируют. В зависимости от ситуации на первый план может выступать либо одна, либо другая функция [19].

Также нужно отметить и то, что отношение Парето как социолога к «производным» двойственно. С одной стороны, он постоянно критикует, разоблачает их, иронизирует над ними, демонстрируя их несостоятельность с логико-экспериментальной точки зрения. С другой стороны, он подчеркивает, что иными они и не могут и не должны быть, так как именно их нелогичность и определяет в значительной мере их социальную эффективность. Иными словами, именно такого рода эмоциональные факторы часто гораздо эффективнее, чем логическая аргументация, побуждают человека к активным действиям.

Сейчас понятие эффективности широко употребляется в различных сферах разделения труда. Например, общая эффективность коммерческой деятельности определяется как разница между реализованной в ходе трейда прибылью и потенциально возможной прибылью за время этого же трейда. Этот показатель демонстрирует, насколько хорошо трейд использовал имевшееся

движение [20]. Эффективность управления персоналом определяется степенью реализации общих целей проекта. Эффективность использования каждого отдельного члена команды зависит от его способности выполнять требуемые функции и мотивации, с которой эти функции выполняются [21]. Эффективным также можно назвать какой-либо контрольный тест, который лучше, чем другие тесты, измеряет знания испытуемых интересующего уровня подготовленности, с меньшим числом заданий, качественнее, быстрее, дешевле, и все это – по возможности, в комплексе и т. д.

Таким образом, можно говорить о том, что категория *эффективности* и соответствующие критерии ее оценки обстоятельно разработаны как в экономической науке, так и в современном менеджменте (применительно к управлению организацией (фирмой) в условиях рыночной конкуренции). Очевидно, что в целом для любого проекта (экономического или управленческого) эффективность выражается отношением полученного результата к произведенным затратам. А так как определить затраты, вызвавшие социальный эффект, очень трудно и зачастую невозможно, то сам итог, результат рассматривается как эффективность и, соответственно, полной экстраполяции признаков понятий экономической или управленческой эффективности, а тем более социальной, быть не может. Кроме того, изучение социальной эффективности осложняется самой социальной природой этой эффективности, поскольку, согласно справедливому замечанию М. Н. Андрющенко, «оценка человеческого фактора, его эффективности не поддается сколько-нибудь адекватному количественному выражению» [22]. Вместе с тем нельзя не согласиться с известным французским ученым Р. Ароном в том, что «многие из мер, которые можно осудить с сугубо экономической точки зрения, могут косвенно, с помощью социологических механизмов, дать благоприятный результат» [23].

Таким образом, мы можем говорить о достаточном расширении сферы приложения понятия эффективности, для того чтобы возникла объективная необходимость в обобщении его содержания. Так, по мнению М. Н. Андрющенко, «практика использования понятия «эффективность» показывает, что эффективность выступает мерой возможности, но не любой, а той, которая выражает цель человека, реализует его идею, т. е. эффективность есть мера возможности с точки зрения ее близости к наиболее целесообразному, необходимому (нужному) человеку результату. Здесь речь идет о близости к цели в ее оптимальном выражении» [24]. Следовательно, эффективность есть количественная харак-

теристика отношения цели и теоретической возможности, теоретической возможности и нормы ее материализации, цели и материализации ее конструктивного решения.

Таким образом, под социальной эффективностью деятельности подразумевается мера ее успешности, или, иными словами, степень ее приближенности к достижению цели через систему разумных, обоснованных и целесообразных социальных действий.

Соответственно, очевидной является системная природа социальной эффективности деятельности, в связи с чем требуется серьезная и максимально подробная операционализация этого понятия применительно к целям и задачам какого-либо конкретного исследования. Весьма важной задачей становится вычленение всех основных составляющих этого понятия и их последующее детальное изучение с целью равномерного изменения для повышения социальной эффективности деятельности. Наиболее распространенной ошибкой многих исследователей является изучение и последующее изменение лишь одного показателя, что зачастую приводит к снижению социальной эффективности деятельности как результату недоучета остальных показателей. Таким образом, оценка социальной эффективности требует целостного, системного подхода к объекту изучения, учета достоинств и недостатков наибольшего числа факторов, что позволит достичь максимального выигрыша при минимальном проигрыше.

Примечания

1. *Бережной Н. М.* Человек и его потребности. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та сервиса, 2000. С. 17–19.
2. Там же. С. 19.
3. См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Политиздат, 1989.
4. Экономический словарь. М., 2008. Режим доступа: <http://abc.informbureau.com/>
5. *Атаманчук Г.* Социальная эффективность государственного управления и ее виды // *Власть*. 2006. № 10.
6. *Черкасов Г. Н.* Социальная эффективность: сущность и критерии // *СОЦИС*. 1978. № 1. С. 43.
7. *Руткевич М. Н.* Диалектика и социология. М.: Мысль, 1980. С. 206.
8. *Вайнштейн Б.* Об оценке социальных результатов научно-технического прогресса // *Вопросы экономики*. 1974. № 2. С. 91.
9. Там же. С. 94.
10. *Эпштейн Л.* О социальном эффекте мероприятий НОТ // *Социалистический труд*. 1971. № 9. С. 70–71.
11. *Озобин М. Н., Павлов А. С.* Количественное планирование научно-технического прогресса. М., 1975. С. 160.
12. Современная энциклопедия // *Словари и энциклопедии On-line*. М., 2008. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/>
13. Экономический словарь. М., 2008. Режим доступа: <http://abc.informbureau.com/>

14. *Гальперин В. М., Игнатъев С. М., Моргунов В. И.* Микроэкономика: в 3 т. Т. 1. СПб.: Омега-А., 2008. С. 234.

15. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли / общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Политика», 1992. С. 589.

16. История буржуазной социологии XIX – начала XX века / отв. ред. И. С. Кон. М.: Наука, 1979. С. 317.

17. Там же. С. 319.

18. Цит. по: *Гуфман А. Б.* Семь лекций по истории социологии: учеб. пособие для вузов. М.: Книжный дом «Университет», 2001. С. 192–196.

19. Там же. С. 192–196.

20. *Мазур И. И., Ольдерогге Н. Г., Шатице В. Д.* Управление проектами: учеб. пособие для студентов. М.: Омега-А., 2006. С. 555–557; *Мазур И. И., Ольдерогге Н. Г., Шатице В. Д.* Эффективный менеджмент: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 2003. С. 154.

21. Там же.

22. *Андрющенко М. Н.* Понятие эффективности и его философский смысл // Уч. зап. каф. обществ. наук вузов г. Ленинграда. 1971. Вып. 12. С. 44.

23. *Арон Р.* Указ. соч. С. 589.

24. *Андрющенко М. Н.* Указ. соч. С. 45–46.

УДК 165

Н. Н. Полуян

АЛЕКСАНДР БОГДАНОВ ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ФОРМАХ

В статье рассматриваются основные положения теории социальной причинности Александра Богданова, русского философа начала XX в., в том числе с точки зрения их связи с идеями социальной философии марксизма.

In clause ideas of the theory of social causality of Alexander Bogdanov, the Russian philosopher of XX century, and communication of these ideas with social philosophy of Marxism are considered.

Ключевые слова: причинность, мировоззрение, объективно-мыслительная форма, наука, общество, сознание.

Keywords: causality, conception of the world, objective mental form, science, society, conscience.

Согласно официальной, широко распространенной точке зрения, берущей свое начало со времен ленинского «Материализма и эмпириокритицизма», Александр Богданов и еще целый ряд русских философов рубежа XIX–XX вв. принадлежат к так называемым «русским махистам», или, говоря другими словами, к последователям идей Эрнста Маха и Рихарда Авенариуса – основоположников направления эмпириокритицизма в науке и философии. В то же время сегодня высказывается и иная версия по данному вопросу.

© Полуян Н. Н., 2009